

Абель Старцев-Кунин

Марк Твен и Америка

От Уитмена
до Хемингуэя

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»**

Старцев-Кунин, А.

Марк Твен и Америка. От Уитмена до Хемингуэя: Сборник /
Абель Старцев-Кунин. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2021. — 698 с.

Книга известного литературоведа и критика Абеля Старцева-Кунина посвящена творчеству классиков американской литературы. В этой книге речь идет о таких ключевых фигурах литературной истории США как: Уолт Уитмен, Генри Торо, Герман Мелвилл, Брет Гарт, о выдающихся американских писателях XX века — Френсисе Скотте Фицджеральде, Уильяме Фолкнере, Эрнесте Хемингуэе и Марке Твене.

Очерки и портреты, вошедшие в этот сборник, объединены общим подходом автора к проблемам развития литературы США в ретроспективе социальных вопросов и развития общества на протяжении 100 лет. Почему американские писатели-классики — Мелвилл, Гарт, Торо, Твен, Фицджеральд, Фолкнер, Хемингуэй остаются столь актуальными и в наши дни, раскрывая в своем творчестве вопросы войны и мира, потребительской политики капитала, исключая человеческое достоинство и социальную справедливость. Почему по-прежнему столь привлекают читателя Моби Дик, Великий Гэтсби, Уолден, Том Сойер и Гекльберри Финн, финансист Фрэнк Каупервуд, Старик и его море.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(2)

МАРК ТВЕН И АМЕРИКА

Трагедия Марка Твена

Эксплуататорские цивилизации нуждаются в шутах для развлечения и отвлечения обманутого народа. Буржуазия своекорыстно поощряет веселых писателей. Она дает им деньги и славу и ставит только одно условие: чтобы они смеялись. Между тем как раз это условие оказывается трудновыполнимым.

Теккерей начинает свои лекции об английских юмористах притчей о знаменитом лондонском арлекине, который был самым грустным человеком в Лондоне. Он пришел к врачу, чтобы тот вылечил его от ипохондрии. Врач, не зная, кто его пациент, посоветовал ему пойти поглядеть на весельчака арлекина, потешающего каждый вечер столичную толпу. «Этот арлекин перед вами!» — ответил больной.

Наблюдая многие и многие случаи в истории литературы и искусства, когда смех художника как бы переходит в слезы, некоторые теоретики искусства склонны допустить, что смех в поэзии имеет обязательной оборотной стороной грусть или меланхолию в силу некоего внутреннего противоречия, корнящегося в самой природе человека и в природе художественного творчества.

Такая постановка проблемы является, собственно говоря, уходом от ее исторического и социального анализа; вопрос,

почему «для веселия планета наша мало оборудована», неотделим от общих вопросов социальной жизни общества.

Смех в поэзии, в искусстве есть создание гораздо более хрупкое, чем принято полагать. Редкий и драгоценный дар видеть в жизни веселое, смешное и претворять это видение жизни в поэзию сопровождается и даже обуславливается у художника необычайной впечатлительностью, до крайности обостренным восприятием окружающего мира. Тот, кто чутко улавливает смех, слышит также и каждый стон. Нервы художника обнажены. Психика легко ранима. Он плохо защищен от ударов жизни.

Великий юморист в горьком мире неизбежно проникается его горечью, но кто же решится утверждать, что причина этого в художнике, а не в окружающем мире? «Горький смех», «смех сквозь слезы» не имеют в себе ничего эстетически обязательного. Нет никакой внутренней моральной или психологической необходимости в том, чтобы писатель-юморист непременно превращался в апостола отчаяния и пессимизма. По большей части это болезненная реакция светлого художника на грязные, уродливые стороны эксплуататорской цивилизации.

Другая сторона взятой проблемы состоит в том, что в условиях социальной действительности, рождающей это горькое умонастроение художника, оно становится — подчас вне зависимости от его воли — важным и активным элементом в его восприятии жизни. Печаль и гнев, овладевающие художником, заставляют его зорче видеть пороки эксплуататорского мира и сильнее чувствовать страдания миллионов, чем в ту пору, когда он был беспечен и весел. Он подходит к постижению социальной истины дорогой ценой для своего душевного мира и личного благополучия, но к благу для человечества.

Жизнь и творчество великого американского юмориста Марка Твена считались долгое время исключением из правила. Такого веселого и во всех отношениях удачливого писателя, казалось, не видывал свет. Американская литературная критика долгое время поддерживала и распространяла эту версию. Твен вышел из бедной семьи, но после первого же литературного успеха женился на дочери капиталиста и забыл, что такое нужда. Фельетонист захолустной газеты, он стал кумиром миллионов читателей. Книги приносили ему не только славу, но и большие деньги; он стал богачом. Многие годы он был самым известным из американцев, известнее американского президента — с той дополнительной оговоркой, что президенты сменялись, а Марк Твен царил бессменно. Туристы приезжали в Америку смотреть Ниагарский водопад и Марка Твена. Письма из всех уголков земного шара доходили по адресу: Америка, Марку Твену. Европейские и американские университеты подносили бывшему лоцману с Миссисипи почетные докторские дипломы.

Что до веселости, то этот писатель умудрялся извлечь из каждого грана жизни больше смеха, чем все его современники, собравшие по перу, взятые вместе, и его фантастическая веселость казалась неистощимой. На протяжении десятилетий газеты всего мира едва успевали перепечатывать новые шутки Марка Твена. Незадолго перед кончиной престарелый писатель заявил своему секретарю: «Я явился на свет в 1835 году вместе с кометой Галлея. Она снова появится в будущем году, и я думаю исчезнуть вместе с нею. Если я не исчезну вместе с кометой Галлея, это будет величайшим разочарованием в моей жизни. Бог, наверное, решил: вот два необъяснимых причуд-

ливых явления, они вместе возникли, пусть они вместе и исчезнут». Так дразнил смерть баловень судьбы Марк Твен.

В так называемый «американский миф» — излюбленную буржуазными пропагандистами сказку о якобы лишенном противоречий буржуазном обществе за океаном — смеющийся Твен вошел важной составной частью, олицетворяя «довольный народ». Взрывы хохота, доносившиеся через Атлантику, должны были убедить европейское общественное мнение, что Соединенные Штаты конца XIX и начала XX века не жесточайшая из плутократий, а все еще та «обетованная страна», куда бежали на заре буржуазного строя европейские крестьяне и ремесленники от гнета феодализма.

При жизни Твена его современники обращали мало внимания на прорывавшиеся в его творчестве горькие ноты, на его общественный протест; им казалось, что веселость Твена всепобеждающа. Однако уже первые посмертные публикации заставили подозревать, что внешнее благополучие жизни и творчества Твена иллюзорно. Они заставили по-новому перечитать и осмыслить литературное наследие Твена. Последующие прибавления к «твениане» показали, что о гармоническом художественном развитии Твена в буржуазном обществе не может быть даже и речи.

Сейчас, на основании накопившихся материалов, можно считать окончательно установленным, что творчество Твена развивалось в тяжелых противоречиях, что великий американский юморист смеялся далеко не всегда потому, что ему этого хотелось, и над тем, над чем ему хотелось, что он был в поздний период своего творчества глубоким пессимистом и страстным критиком капиталистической цивилизации и избежал

открытого разрыва с американским буржуазным обществом ценою мучительного раздвоения личности.

Жизненный и творческий путь Марка Твена — путь человека и писателя из народа, который поднялся к успеху в условиях торжествующей буржуазной цивилизации и не сразу осознал свою чуждость капиталистическому миру. Путь этот глубоко поучителен и подлинно трагичен.

Материалы «твенианы» и возникшая вместе с ними проблема писательской судьбы Твена произвели огромное впечатление на передовую американскую общественность. Первые споры вокруг Твена совпали по времени с борьбой молодых американских писателей 1910–1920-х годов за социально насыщенный реализм и сыграли несомненную роль в формировании антикапиталистической идеологии в новейшей американской литературе. В дальнейшем споры вокруг Твена не ослабевали. Они продолжаются и сейчас. Оценка взаимоотношений Твена с капиталистической Америкой стала своего рода лакмусовой бумажкой в американской литературе. По ней узнается позиция автора по основным социальным и политическим вопросам современности.

В 1920 году молодой американский критик Ван Вик Брукс выступил с резко полемической книгой «Испытание Марка Твена»¹, в которой заявил, что судьба Твена имеет насущно важное значение для судеб всей американской культуры. «Для тех, кто интересуется американской жизнью и литературой, не было за последние годы более важного вопроса, чем вопрос о пессимизме Марка Твена» — этими словами открывается книга

¹ Van Wyck Brooks. The Ordeal of Mark Twain, N.Y., 1920. В дальнейшем я цитирую книгу Ван Вик Брукса по этому изданию.

Брукса. Основываясь на материалах «твенианы», которые после смерти Твена начал публиковать секретарь Твена и его литературный душеприказчик Альберт Пейн, Брукс утверждает, что творческая личность Твена была искалечена американским буржуазным обществом, которое долгое время держало в плену великого писателя, и что возможности Твена как реалиста и социального сатирика остались в значительной мере неосуществленными. Брукс считает, что Твен не выдержал «испытания», доставшегося на его долю, и что он отчасти понимал это, — отсюда отчаяние его поздних лет. Брукс призывает американских писателей извлечь урок из горькой судьбы Твена и понять, что пути американского буржуазного общества пагубны для художника.

Значение выступления Ван Вик Брукса было ослаблено серьезными недостатками книги. В первую очередь надо отметить полуфрейдистский психологизм в оценке личности Твена и слабость исторического анализа его творчества. Однако такова была сила основного тезиса книги — противопоставления Твена буржуазной Америке, — что до сегодняшнего дня не выходит ни одного реакционного сочинения о Твене, где книга Ван Вик Брукса не предавалась бы анафеме за тот ущерб, который она нанесла престижу американской буржуазной культуры.

За сорок лет, прошедших со времени выхода «Испытания Марка Твена», американские литературоведы апологетического направления предпринимали множество попыток восстановить и обосновать заново буржуазную легенду о Твене — баблуне судьбы, певце «американского оптимизма», воплощении «американского успеха». В не так давно вышедшем капитальном «Путеводителе по Твену» Хэдсона Лонга, претендующем